

Д. С. Бородина
Симферополь, Россия

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ДОМЕНЕ ШВЕДСКОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы перехода домена деловой коммуникации от шведского к английскому языку. Актуальность исследования обусловлена тем, что аналогичные процессы перераспределения языков в отдельных доменах в пользу английского с ущербом для национального языка характерны для многих европейских стран. В ходе исследования выполнен обзор предпосылок, определяющих выбор языка участниками коммуникации. Новизна исследования видится в том, что предлагается подход к рассмотрению так называемой потери домена в связи с прагматической обусловленностью выбора языка, обеспечивающего взаимодействие участников языковой ситуации. Описаны предпосылки, вызывающие проблему ассимиляции участников интранациональной деловой коммуникации. Автор выдвигает положение о том, что статус английского как языка деловой коммуникации определяется не отношениями домена и языка, а отношениями между участниками делового сообщества и контекстами коммуникативных ситуаций. Корпоративная языковая политика прямо или косвенно воздействует на каждого, кто занят в корпорации, и это воздействие не ограничивается конкретным доменом, но опосредованно оказывает влияние на отношение к многоязычию и межкультурной коммуникации во всем обществе. В домене транснациональной деловой коммуникации шведских многонациональных корпораций, работающих в глобальном экономическом пространстве, английский является официальным языком, в дополнение к которому могут использоваться языки тех стран, где находятся подразделения корпораций. В домене интранациональной деловой коммуникации компаний, работающих на внешний рынок, английский является основным действующим языком, в дополнение к которому может использоваться шведский язык.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деловая коммуникация; корпоративный английский язык; шведский язык; взаимодействие языков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бородина Дарья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1, Крымский федеральный университет; 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т Акад. Вернадского, 4; e-mail: dasha_tnu@mail.ru.

Введение. В условиях глобализации переход отдельных областей специализированной коммуникации из разряда интранациональных в разряд транснациональных направлен от национального языка к английскому языку (АЯ). Такой переход трактуется как потеря домена, в процессе которой участники специализированной коммуникации осознают себя членами международного сообщества, где их национальная принадлежность может служить только дополнительной характеристикой.

Концепт домена в скандинавской дискуссии о потере доменов определяется как область социальной практики, которую можно идентифицировать на основе природы и социальных характеристик этой практики, ее локализации во времени и пространстве и специфических для данного домена ролевых отношений, соотнесенности с областью знания, характеризуемой средствами профессиональной коммуникации в данном языке [Haberland 2005: 231; Preisler 2005: 244].

Деловая коммуникация — это область коммуникации, которая четко определяется ее прагматической направленностью на профессиональное взаимодействие в специфической языковой среде. Языком глобализованного международного делового общения является английский, который служит контактным языком в международных экономических отношениях и в деятельности международных компаний. По аналогии с термином «английский как *lingua franca*» мы предлагаем называть его «английский как *lingua corporativa*», т. е. английский как корпоративный язык.

Корпоративная языковая политика прямо или косвенно воздействует на каждого, кто занят в корпорации, и это воздействие не ограничивается конкретным доменом, но опосредованно оказывает влияние на отношение к многоязычию и межкультурной коммуникации во всем обществе [Thomas 2008: 308].

Цель статьи — проанализировать статус английского языка (АЯ), используемого как *lingua corporativa* деловой коммуникации, и отношения к нему в деловом сообществе на примере Швеции.

Швеция сегодня — это многоязычная страна, часть глобализованного мира, и естественно, что шведские компании используют английский как корпоративный язык в многоязычных контекстах международного бизнеса [Gunnarsson 2013: 162]. Хотя английский язык служит активно действующим и общепринятым корпоративным языком, его уровень далеко не всегда адекватен требованиям коммуникативной ситуации [Rönnlöf 2014].

Г. Линдаль (*Goran Lindahl*), президент шведско-швейцарского технологического гиганта *ABB*, назвал принятый в компании корпоративный язык «бедным английским» (*poor English*), имея в виду, что он ограничен областью интересов концерна. Компания *ABB*, лидер в информационных технологиях, электротехнике, энергетическом машиностроении, официально перешла на английский язык со дня слияния в 1988 г. шведской компании *ASEA* и швейцарской *Brown, Boveri & Cie*. Офисы и производственные мощности концерна располагаются на территории Швеции, Швейцарии, Германии, Италии, России, Франции, Чехии, Индии, Китая, Пор-

тугалии, Бразилии и т. д. Использование АЯ дает им возможность привлекать лучших специалистов, интегрировать свои филиалы во всех регионах мира и успешно конкурировать на мировом рынке [Agrowing... 2014].

Один из создателей концерна АВВ П. Барневик, по инициативе которого английский был объявлен официальным языком, настаивал, чтобы каждый менеджер АВВ хорошо владел АЯ, хотя, по его наблюдениям, реально этому критерию отвечали только 30 % руководящего состава. Недостаточное владение АЯ, по утверждению П. Барневика, ведет к неправильной оценке ситуации, принятию ошибочных решений, возникновению проблем взаимопонимания и потерям в бизнесе [Barnevik 2011: 331].

Примером другой международной шведской компании, использующей корпоративный АЯ на всех уровнях, может служить ScaniaAB, производитель грузовых автомобилей, автобусов, промышленных и морских двигателей с 1920 г., имеющий филиалы в Германии, Франции, Нидерландах, Аргентине, Бразилии, Польше и России.

«Скания» отбирает будущих сотрудников среди выпускников шведских университетов и, как пишет стажер «Скания» С. Хеглунд, первым пунктом требований к ним является свободное владение АЯ. По условиям контракта, стажеры обязаны вести блоги в социальных сетях по-английски, и ниже приводятся несколько выдержек из блога С. Хеглунд (с сохранением грамматических и орфографических отклонений, которые она допускает): *...they have even encourage us to, write in English... Everything you write is in English and most of the meetings are also conducted in English. And English is perhaps the only language I feel comfortable speaking accept from Swedish, but I'm very impressed by my colleagues that answers the phone in different languages depending on who is calling. (...Они побуждают нас писать по-английски... Все, что вы пишете, — на английском, и большинство заседаний также проводится на английском. Английский, возмможно, единственный язык, говоря на котором я себя комфортно чувствую, за исключением шведского. На меня производят глубокое впечатление коллеги, которые говорят по телефону на разных языках, в зависимости от того, кто звонит)* [Höglund 2013] (здесь и далее перевод автора. — Д. Б.).

Уровень владения английским языком, демонстрируемый С. Хеглунд, вероятно, не является исключением, поэтому «Скания», как и другие международные компании Швеции, целенаправленно проводит обучение

шведских сотрудников английскому языку и языкам стран пребывания, а иностранных специалистов в Швеции — шведскому языку. Для этого привлекаются специализированные организации, как, например, *Swedish for Professionals*, которая ведет профессионально ориентированные языковые курсы шведского для иностранных специалистов, работающих в Швеции, и иностранных языков для шведских работников компаний, обеспечивая им необходимые языковые и межкультурные навыки. Обучение начинается с того, что людям, далеким от лингвокультурологии, дают основы языкового поведения в многоязычной и мультикультурной среде и готовят к тому, чтобы недостаточное знание языка не оказало негативного воздействия на интересы бизнеса [Swedish for... 2017].

Большинство пользователей корпоративного английского языка не являются носителями АЯ и не стремятся к тому, чтобы приблизиться к их уровню в произношении и грамматике. Деловое сообщество по определению многонационально, мобильно и открыто для коммуникации между людьми, имеющими самые разные уровни владения английским языком [Frederiksen 2014: 2—3]. В то же время исследователи обращают внимание на тот факт, что вопрос владения специальной лексикой часто становится критическим в ситуациях, когда идет обсуждение на английском языке и необходимо принимать важные для компании решения. Недостаточное знание специализированного словаря не позволяет участникам дискуссии отстаивать свою позицию, и в результате могут быть не учтены какие-либо серьезные факторы [Piekkari 2013: 31].

Государство не регулирует корпоративную языковую политику шведского бизнеса. В информационном бюллетене шведского правительства (2016) «Корпоративная социальная ответственность» (*Corporate social responsibility*), где изложены основные факторы развития международной конкурентоспособности шведских компаний, нет рекомендаций по поводу выбора АЯ или других языков функционирования [The Swedish Government 2016].

По мнению эстонского социолингвиста М. Сиинер, управление корпоративной языковой политикой в многоязычных контекстах шведского бизнеса имеет место даже там, где это официально не декларируется. Анализируя языковую ситуацию в филиалах шведских банков, работающих в странах Балтии, она указывает, что их руководство проводит еженедельный анализ взаимосвязи использования английского, шведского и других языков и продуктивности финансовых операций [Siiner 2017: 61].

В небольших шведских отделениях международных компаний, в организациях малого и среднего бизнеса, чья деятельность ориентирована на международных потребителей, официальная языковая политика не проводится, но техническое описание и сопроводительные документы выполняются на АЯ, соответствующее владение которым является обязательным. Выбор языка коммуникации на рабочем месте (*a language of work place communication*) и/или в неофициальной обстановке определяется участниками коммуникативных ситуаций.

В качестве примера приведем выдержки из интервью с сотрудниками небольшого стокгольмского отделения финско-шведской компании *Tieto Oyj*, разрабатывающей и производящей аналоговое и цифровое оборудование, программное обеспечение, информационные технологии. Штаб-квартира компании находится в Хельсинки, а в стокгольмском филиале занят коллектив из 100—150 сотрудников, иностранных и шведских менеджеров, дизайнеров, инженеров и техников. Беседы с отдельными сотрудниками *Tieto* автор данной статьи проводила 13—16 июня 2016 г. в рамках Летней школы по тестированию в Университете Хальмстада, в работе которой принимала участие группа системных аналитиков и тестировщиков программного обеспечения из указанной компании.

Иностранные специалисты в филиале *Tieto* составляют до 80 % всех программистов и тестировщиков, и это иммигранты из арабских стран, Индии, Ирана, Китая, Юго-Восточной Азии, выходцы из стран Евросоюза и Восточной Европы. Все они прошли в различных университетах магистерские программы на АЯ, и он служит для них рабочим языком, но уровень владения значительно различается. В приводимых ниже примерах, записанных автором в процессе бесед с сотрудниками *Tieto*, сохраняются особенности их английской речи.

Информант Дж. П., албанка, получила степень магистра на англоязычной программе в Стокгольмском университете. На работе она говорит по-английски: *For my work it's only English. I understand some people when they talk in Swedish but I just respond in English* (Для работы — только английский. Я понимаю некоторых людей, когда они говорят по-шведски, но отвечаю только по-английски).

Она училась на курсах шведского языка для иммигрантов, но знает его недостаточно: *Talking in Swedish you spend a lot of energy and you need to think before you want to say something so just English comes out so*

easy (Когда говоришь по-шведски, тратишь много энергии, и надо думать, прежде чем что-то сказать, поэтому на английском выходит легче). Дж. П. замечает, что ее шведские коллеги на проводимых фирмой еженедельных неформальных корпоративных мероприятиях говорят только по-шведски, тем самым исключая из круга общения ее и других сотрудников иностранного происхождения: *Some Swedish people don't switch to English. I've been in the situation where everyone is Swedish and I am the only person who doesn't know it but they keep going Swedish. So, they don't pay attention that you are not understanding* (Некоторые шведы не переключаются на английский. Я была в ситуациях, где все — шведы, и я единственная, кто не знает шведского, но они продолжают говорить по-шведски. Они не обращают внимания, что вы не понимаете).

Аналогичная ситуация случается и на рабочем месте, когда она, как системный аналитик, предлагает решение какого-либо вопроса, а шведские коллеги переходят на шведский язык: *When you are talking with Swedish people you know then maybe someone comes and then the conversation changes to Swedish again, you don't feel like stable Swedish* (Когда говоришь со шведами, знаешь, что кто-то еще может подойти, и тогда разговор между ними пойдет по-шведски, и вы чувствуете себя неловко, поскольку недостаточно владеете шведским). Поэтому она предпочитает дружить и проводить свободное время вместе с несколькими албанцами, которые работают в других отделах.

Информант А. Х., сириец, учившийся на англоязычных программах в университетах Литвы, Германии и Швеции, понимает, что английский — это его профессиональный язык, и на работе говорит только по-английски: *English is international and the language of all my studies and the scientific vocabulary for physics, electronics, and mathematics is all in English. Having learned words in English, it is difficult to learn them in another language. Mostly I always speak here in English. Sometimes they speak with me in Swedish but I replied automatic in English* (Английский — международный язык и язык всех моих учебных курсов, и научный словарь физики, электроники и математики — весь на английском. Выучив слова на АЯ, трудно учить их на другом языке. В основном я всегда говорю здесь по-английски. Иногда они говорят со мной по-шведски, но я автоматически отвечаю по-английски).

В его отделе есть коллега арабского происхождения, с которым он говорит на ра-

боте только по-английски, а по-арабски — во время ланча и во вне рабочее время.

Информант Л. Ш., китайка, получила техническое образование в Китае, приехала в Швецию по программе обмена и здесь прошла еще одну магистерскую программу на английском языке: *We talk some technique we use English. Because a lot of technique word is come from English. So, it's easier understand... a lot of the document must use the English. I would actually prefer to use Chinese for work, even though technical terms are in English, simply because it is my mother tongue (Мы обсуждаем технические вопросы по-английски. Потому что много технических слов пришло из английского. Легче понимать... многие документы должны быть на английском. Я бы предпочла использовать китайский для работы, даже если технические термины на английском, потому что это мой родной язык).*

Л. Ш. освоила профессиональный английский язык, обучаясь в стокгольмском университете, и прилагает немало усилий, чтобы выучить разговорный шведский. Со своими китайскими друзьями она также старается говорить по-английски или по-шведски. Она не испытывает эмоционального дискомфорта, говоря со шведами по-английски или по-шведски, и предпочитает ходить на ланч со шведскими коллегами, чтобы практиковаться в шведском языке.

Очевидно, что шведские специалисты используют английский в профессиональной коммуникации, включающей всех участников, английский и шведский — в коммуникации, включающей только шведов. Иностранцы используют три языка: английский — в профессиональной коммуникации, свой этнический язык — в общении с соотечественниками и ограниченный шведский — в случае необходимости или для развития разговорных навыков. Они признают, что знание шведского языка является необходимым условием для успешной интеграции и ассимиляции в стране.

Информант Дж. П. объясняет, что для проживания и работы в Швеции недостаточно владеть только английским языком: *I think you can be more integrated with the Swedish people or the Swedish society... When I was taking a Swedish course at university, I had a better understanding of society... When I'm watching the... walls in the street or like some newspaper or something in the metro then at least I understand like, what they saying, not to be so stranger in the society (Я думаю, что надо больше интегрироваться в шведское общество. Когда я брала курс шведского языка в университете, я лучше понимала*

шведское общество... Когда я вижу уличную рекламу, читаю шведские газеты, объявления в метро, я хотя бы понимаю, о чем там говорится, чтобы не быть чужой в этом обществе).

Информант А. Х. разделяет это мнение, но считает, что освоить шведский труднее, чем освоить немецкий, поскольку шведы не только более закрыты, чем немцы, но и настороженно относятся к иностранцам. Поэтому ему удается говорить по-шведски только со шведскими коллегами на работе.

Информант Л. Ш. к необходимости знать шведский язык относится практически, поскольку считает, что необходимо овладеть языком страны, в которой она живет. Она отмечает, что ей трудно овладеть разговорными навыками, но объясняет это своими недостаточными способностями к изучению языков.

Выводы. Повсеместное использование АЯ в деловой коммуникации и переключение с шведского языка на английский — это привычная практика всех шведских многонациональных компаний. Этот феномен не означает потерю шведским языком домена деловой коммуникации. Социальная практика шведского бизнеса доказывает, что выбор языка определяется не отношениями домена и языка, а отношениями между участниками сообществ, существующих в этом окружении, тематикой обсуждения и контекстом коммуникативной ситуации.

В целом в домене транснациональной деловой коммуникации шведских многонациональных корпораций, работающих в глобальном экономическом пространстве, английский является официальным языком, в дополнение к которому могут использоваться языки тех стран, где находятся подразделения корпораций. В домене интранациональной деловой коммуникации компаний, работающих на внешний рынок (а таких большинство, поскольку шведская экономика ориентирована на экспорт), английский является основным действующим языком, в дополнение к которому может использоваться шведский язык. Таким образом, глобальный рынок требует использовать английский как основной язык коммуникации, а выбор дополнительного языка ситуативен, поскольку определяется контекстами, участниками и целями коммуникативных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. A growing number of firms worldwide are adopting English as their official language [Electronic resource] // *Businessinsider. The Economist*. 2014. 18 Feb. URL: <http://www.businessinsider.com/firms-adopt-english-as-official-language-2014-2>.
2. Barnevik P. Jag vill förändra världen [I Want to Change the World]. — Stockholm : Bonnier, 2011. 489 s.
3. Frederiksen D. BELF in the workplace: a linguistic ethnographic study. An observation of English as a lingua franca used

by employees at a Swedish company [Electronic resource] / Sockholms Universitet, Department of English. 2014. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:784843/FULLTEXT01.pdf>.

4. Gunnarsson B.-L. Multilingualism in the workplace // Annual Review of Applied Linguistics. 2013. N 33. P. 162—189.

5. Haberland H. Domains and domain loss // The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones / B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (eds.). — Roskilde : Roskilde Univ., 2005. P. 227—237.

6. Höglund S. Scania — an international Company [Electronic resource]. 2013. 12 Feb. URL: <https://www.scania.com/group/en/scania-an-international-company/>.

7. Piekkari P., Oxelheim L., Randøy T. The Role of Language in Corporate Governance: The Case of Board Internationalization. — Stockholm : Research Institute of Industrial Economics, 2013. 60 p. (IFN Working Paper ; N 974).

8. Preisler B. Deconstructing 'the domain of science' as a sociolinguistic entity in EFL societies: The relationship between English and Danish in higher education and research / The Con-

sequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones / B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (eds.). — Roskilde : Roskilde Univ., 2005. P. 238—248.

9. Rönnlöf H. Language practices in the workplace. Ethnographic insights from two multilingual companies in Sweden [Electronic resource] / Sockholms Universitet, Department of English. 2014. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:733464/FULLTEXT01>.

10. Siiner M. Swedishization or Internationalization? Negotiating the Common Language and Culture in a Swedish-Baltic Financial Institution // Language Policy Beyond the State. Vol. 14. — Springer International, 2017. P. 61—80.

11. Swedish for Professionals [Electronic resource]. 2017. URL: <http://swedishforprofessionals.com/Swedish-courses-for-companies/>.

12. The Swedish Government policy for corporate social responsibility : Fact sheet / The Ministry of Enterprise and Innovation. 2016.

13. Thomas C. A. Bridging the Gap between Theory and Practice: Language Policy in Multilingual Organisations // Language Awareness. 2008. N 17(4). P. 307—325.

D. S. Borodina

Simferopol, Russia

ENGLISH IN ASPECIALIZED DOMAIN OF SWEDISH BUSINESS COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article discusses the questions of transition of business communication domain from Swedish to English. The urgency of this research is caused by the fact that similar processes of the shift of language roles takes place in different European countries in favor of the English language detrimentally to the national language. The research provides an overview of the prerequisites determining the choice of the language by communication participants. The novelty of this research is in the fact that it focuses on the so-called loss of domain due to pragmatic choice of the language that provides communication between the participants. The article describes prerequisites of the problem of assimilation of an international business communication participants. The article argues that the status of the English language as the language of business is determined not by the relations between the domain and the language, but by the relations between communication partners and the contexts of business communication. The corporate language policy influences everyone working for the corporation directly or indirectly, and this influence is not limited by a certain domain, but it has an impact of the attitude to multilingualism and intercultural communication in the whole society. In the domain of transnational business communication of the Swedish corporations working in the global economic space English is the official language, besides it is possible to speak languages of the countries where the branches are situated. In the domain of international business communication of the companies working in the international market English is the main language, but Swedish is also used.*

KEYWORDS: *business communication; corporate English; Swedish; language cooperation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Borodina Daria Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department №1, Crimean Federal University, Simferopol, Russia.*

REFERENCES

1. A growing number of firms worldwide are adopting English as their official language [Electronic resource] // Businessinsider. The Economist. 2014. 18 Feb. URL: <http://www.businessinsider.com/firms-adopt-english-as-official-language-2014-2>.

2. Barnevik P. Jag villförändravärlden [I Want to Change the World]. — Stockholm : Bonnier, 2011. 489 s.

3. Frederiksen D. BELF in the workplace: a linguistic ethnographic study. An observation of English as a lingua franca used by employees at a Swedish company [Electronic resource] / Sockholms Universitet, Department of English. 2014. URL: <http://www.diva-portal.se/smash/get/diva2:784843/FULLTEXT01.pdf>.

4. Gunnarsson B.-L. Multilingualism in the workplace // Annual Review of Applied Linguistics. 2013. N 33. P. 162—189.

5. Haberland H. Domains and domain loss // The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones / B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (eds.). — Roskilde : Roskilde Univ., 2005. P. 227—237.

6. Höglund S. Scania — an international Company [Electronic resource]. 2013. 12 Feb. URL: <https://www.scania.com/group/en/scania-an-international-company/>.

7. Piekkari P., Oxelheim L., Randøy T. The Role of Language in Corporate Governance: The Case of Board Internationalization. — Stockholm : Research Institute of Industrial Economics, 2013. 60 p. (IFN Working Paper ; N 974).

8. Preisler B. Deconstructing 'the domain of science' as a sociolinguistic entity in EFL societies: The relationship between English and Danish in higher education and research / The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones / B. Preisler, A. Fabricius, H. Haberland, S. Kjærbeck, K. Risager (eds.). — Roskilde : Roskilde Univ., 2005. P. 238—248.

9. Rönnlöf H. Language practices in the workplace. Ethnographic insights from two multilingual companies in Sweden [Electronic resource] / Sockholms Universitet, Department of English. 2014. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:733464/FULLTEXT01>.

10. Siiner M. Swedishization or Internationalization? Negotiating the Common Language and Culture in a Swedish-Baltic Financial Institution // Language Policy Beyond the State. Vol. 14. — Springer International, 2017. P. 61—80.

11. Swedish for Professionals [Electronic resource]. 2017. URL: <http://swedishforprofessionals.com/Swedish-courses-for-companies/>.

12. The Swedish Government policy for corporate social responsibility : Fact sheet / The Ministry of Enterprise and Innovation. 2016.

13. Thomas C. A. Bridging the Gap between Theory and Practice: Language Policy in Multilingual Organisations // Language Awareness. 2008. N 17(4). P. 307—325.